

СМЕНА

ГАЛИНА Мезенцева в «Умиравшем лебедь» на музыку Сен-Санса потрясает! Растворится в музыкальном теле. Лебедь борется за жизнь, он охвачен ее могучей музыкой и не может смириться с покоем. Но все труднее подниматься с земли, вырваться на свободу... Бунтующая душа балерины создает незабываемый образ стихии и Лебедя, борющегося с ней...

Вот такое письмо в редакцию написала ученица десятого класса Наташа Суховейкина. Она рассказала о выступлении солистки Ленинградского государственного академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, серебряном призере Международного конкурса артистов балета в Москве Галины Мезенцевой в концерте творческой молодежи театра. И еще попросила рассказать о солистке.

Рассказывать о Галине Мезенцевой трудно. Трудно потому, что с самых первых шагов на профессиональной сцене критики не обходили молчанием ее работу.

«Мезенцева кажется природной классической танцовщицей: от внешности до художественной манеры. Надменно-строгая, с длинными линиями, она аристократически изысканна. Тут каждая поза, любой поворот — значительны», — так писал критик после выступления спектакля Хореографического училища имени А. Я. Вагановой в 1971 году.

В прошлом году, во время поездки группы артистов балета Кировского театра на дни Ленинграда в Милане, одна итальянская газета замечала, что при всем том, что «труппа выступает на «ужасной сцене», миланцам «редко удавалось увидеть исполнителя по стилю, по темпераменту и по технике, которая может быть сравнена с Галиной Мезенцевой». И, уже совсем раскрыв свое восторженное сердце, далее критик восклицал: «Не перешла ли в нее душа Санкт-Петербургской тиранической Пьерини Леняни — «первой абсолютной балерины»?».

Во время третьего Международного конкурса артистов балета в Москве пресса особо отмечала Мезенцеву как «актрису строгого рисунка и точной психологической палитры».

Да, критики не скупятся на превосходные степени в оценке работы молодой балерины. И это отрадно, потому что талант начинает сверкать только в лучах человеческого глаза. И прекрасно, когда это глаза его современников, потому что никакая легенда не способна так расстрелить наше сердце как сиюминутное, личное общение с творчеством актера.

Мы познакомились 1 Мая. Праздник широко шагал по улицам города. У многих людей шла обычная работа.

В расписании артистов в этот день тоже ничего не изменилось. Она вышла навстречу мне, взяла под руку, и мы пошли по длинным коридорам театра в репетиционный зал. Тренировочный костюм, с эмблемой «Олимпиада-80», мягкие войлочные тапочки, портативный магнитофон через плечо. Тут же ловлю себя на мысли, что спрашивает она, и понимаю, что своими простыми, вежливыми, вопросами она создает ту самую необходимую атмосферу, которая помогает почувствовать себя причастным к делу героя и выполнить поставленную задачу.

Я собираюсь на встречу с группой ПТУ. Мне кажется, что ребятам будет интересно узнать, как мы живем, как работаем. А мне интересно, как они учатся, какие у них проблемы, что они изобретают, у кого какая мечта.

То есть вы считаете, что профессиональных тайн не должно быть, и, в частности, артист балета должен и может восприниматься не только на сцене, где все так красиво, раздично?

сти стоящую посреди зала. Она нехотя повторяет па и уходит к стене. Долго-долго переодевает туфли, потом снова выходит на середину зала. — Галия, хочешь, чтобы Жизель была веселая... — Нормальная. — Галия, ты должна быть лукава... — Нет, не должна. — Ну, хорошо, иди от себя... Галия снова долго снимает выданные виды башмачки, потирает стертые ноги. Концертмейстер в который раз повторяет старинную мелодию. — Галия, ты села на снамейку как-то очень современно... — Я такая и есть. — Она должна быть более... — Нет, мне не нравится. — Галия, вы замолкаете, чувствуете, как все сегодня на репетиции идет не так.

Воскресный гость «Смены» — солистка Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова ГАЛИНА МЕЗЕНЦЕВА

жем встретиться: то примерна костюмов, то зызаны в автошколе. Она любит, когда «вокруг много зелени», поэтому в выходные они всей семьей, а семья Ольги Николаевны Моисеевой уже несколько лет и ее семья, спешат за город. Там ее ждет любимый пляж, который надо забросить повыше, чтобы ему привольно было расти...

— Во мне, по-моему, сидит путешественник. Очень люблю архитектуру и получаю большое удовольствие, когда вижу прекрасно выстроенные города. Люди, которые оставили их после себя, воистину бессмертны.

Обожаю природу... В июне я побывала в Пушкинских Горах, выступала во время праздника. Это замечательное место поразило меня. Там каждый лист дышит поэзией. Приходится выезжать за границу, и Австралия, например, мне запомилась по своему какому-то необыкновенному аромату саванны с красным песком и обезьянами, богатыми через шоссе. А Италия... немаленькая прелесть страна, она как будто насыщена запахами красок великих художников эпохи Возрождения и бесконечных кирпичей, из которых сложены соборы... Мне почему-то больше всего запоминаются ароматы страны... Природа помогает думать.

Очень короток отдых у артистов балета. На другой день снова занятия в классе, потом репетиция. И снова Галия выходит на середину зала, взгляд ее немного отсутствующий, кажется, что мысленно она еще где-то там, в лесу.

Роль звучит, как всегда, мажорно. И все вокруг привычно: огромное зеркало, лейка, гроба балетных туфель. Но вдруг я начинаю волноваться. Оглядываюсь и вижу, как Ольга Николаевна пытается скрыть счастливую улыбку и какие-то хорошие слова, которые готовы сорваться с губ.

что он здесь будет бороться, понимать, что традиция в искусстве — не только то, что существовало в прошлом. Это то, что мы должны беречь в настоящем.

— Какими же качествами должен обладать современный танцовщик, чтобы проникнуть к этим традициям, освоить их и донести до современного зрителя?

— Я думаю, что он должен быть очень образованным... Общаться с людьми многих областей искусства, чтобы это его обогащало. Обидно в наш век не учиться, ведь вокруг столько глубоко мыслящих людей. Просто необходимо развивать свой интеллект, ассоциативное мышление, изучать музыку, языки, литературу. Современный театр, а балетный в частности, без этого немислим. Духовная пустота неизбежно приводит к духовному уродству. А ведь искусство — это торжество разума и духа.

— А каким вам представляется балет на современную тему?

— Ему подвластна любая тема! Мне кажется возможным вывести на балетную сцену какое-нибудь интересное комсомольское дело. Вот фильм «Премия», который мне очень нравится, раскрывает тему, на первый взгляд «сугубо производственную». Но она становится фактом искусства, потому что выражается художественными средствами. Современная тема должна и может звучать в балете. В этом я твердо уверена.

— Настоящее, большое творчество рождается только у самостоятельного мыслящего художника, но и опыт старших, умеющих подсказать, поправить, тоже необходим...

— Согласна... И я хочу сказать, что мне очень повезло в

жизни: я встретила прекрасного человека — это Ольга Николаевна Моисеева. Я всегда ходила на ее спектакли, которые меня потрясали до глубины души. Мне импонировала ее одаренность драматической актрисы. И когда мы стали работать вместе, Ольга Николаевна стала помогать мне, «вытаскивать» из меня мою душу. Например, когда мы работали над партией Эсмеральды в «Соборе», Ольга Николаевна нарядилась в костюм и благодаря своему темпераменту и таланту на импровизированной домашней сцене создала свой образ цыганки. И я получила от нее толчок и увидела, как интересно постановщик построил спектакль на конфликте трех мужчин — трех страстей и этой несчастной женщины, которая завертелась в этом вихре и была сломлена и уничтожена судьбой. Способность увидеть главное, иногда едва намеченное, несмотря на страх перед новой партией, отличает Ольгу Николаевну. Она умеет создать вокруг себя атмосферу, вселяющую желание работать.

— А какую роль в вашей творческой судьбе играет критик?

— Балерине обязательно нужен хороший, умный советчик, который разбирает бы ее работу. Не так, как у нас сейчас пишут некоторые критики, пересказывая содержание балета и вообще из статьи в статью повторяясь.

— Галия, что бы вы пожелали ребятам, вернее, молодым артистам, выпускникам училища, и тем, кто еще учится?

— Я довольно часто бываю в училище, у меня есть подшефный класс, хотя, к сожалению, это не является моим комсомольским поручением. С ребятами интересно, они такие любопытные, все спрашивают у меня, а как вы попали в театр, а какую вы получаете зарплату, а почему вы такая худая и как нам диету соблюдать... Я бы хотела, чтобы ребята больше интересовались нашей работой, театром, чтобы ходили на спектакли, знали репертуар, чтобы они были в балете с первых шагов. И мы, молодые артисты, комсомольцы, прямые продолжатели того искусства, которое так долго живет на сцене нашего театра, должны больше общаться с учениками, ведь они потом понесут наше искусство дальше.

— Я довольно часто бываю в училище, у меня есть подшефный класс, хотя, к сожалению, это не является моим комсомольским поручением. С ребятами интересно, они такие любопытные, все спрашивают у меня, а как вы попали в театр, а какую вы получаете зарплату, а почему вы такая худая и как нам диету соблюдать... Я бы хотела, чтобы ребята больше интересовались нашей работой, театром, чтобы ходили на спектакли, знали репертуар, чтобы они были в балете с первых шагов. И мы, молодые артисты, комсомольцы, прямые продолжатели того искусства, которое так долго живет на сцене нашего театра, должны больше общаться с учениками, ведь они потом понесут наше искусство дальше.

— Галия, что бы вы пожелали ребятам, вернее, молодым артистам, выпускникам училища, и тем, кто еще учится?

— Я довольно часто бываю в училище, у меня есть подшефный класс, хотя, к сожалению, это не является моим комсомольским поручением. С ребятами интересно, они такие любопытные, все спрашивают у меня, а как вы попали в театр, а какую вы получаете зарплату, а почему вы такая худая и как нам диету соблюдать... Я бы хотела, чтобы ребята больше интересовались нашей работой, театром, чтобы ходили на спектакли, знали репертуар, чтобы они были в балете с первых шагов. И мы, молодые артисты, комсомольцы, прямые продолжатели того искусства, которое так долго живет на сцене нашего театра, должны больше общаться с учениками, ведь они потом понесут наше искусство дальше.

— Я думаю, что он должен быть очень образованным... Общаться с людьми многих областей искусства, чтобы это его обогащало. Обидно в наш век не учиться, ведь вокруг столько глубоко мыслящих людей. Просто необходимо развивать свой интеллект, ассоциативное мышление, изучать музыку, языки, литературу. Современный театр, а балетный в частности, без этого немислим. Духовная пустота неизбежно приводит к духовному уродству. А ведь искусство — это торжество разума и духа.

Современный человек не мыслит свою жизнь без искусства. Его популярность возрастает все больше и больше, оно становится синонимом общечеловеческой культуры. И естественный интерес к творцу искусства. И если душа художника «родилась крылатой», он сумеет включиться в мучительный ритм своего времени, раствориться в нем и, расторившись, говорить о том, что видит и чувствует, предрекая инерцию мыслей, представлений. Сумеет поднять свой труд на высоту театральности. Современному человеку это всегда интересно.

Беседу вела Л. ЕМЕЛЬЯНЕНКО Фото А. Перельмуттера

«ЕСЛИ ДУША РОДИЛАСЬ КРЫЛАТОЙ...»

— Я замечаю, что мы, люди искусства, говорим о современном человеке, о создании его образа на сцене, а сами о нем ничего не знаем. А понимание, на мой взгляд, придет только тогда, когда интерес будет взаимным.

Мы входим в зал, и начинается подготовка к спектаклю, который стал значительным событием в театральной жизни нашего города. Это постановка на сцене театра балета Мориса Жарра «Собор Парижской Богоматери» по мотивам романа Виктора Гюго, осуществленная известным французским балетмейстером Роландом Петти.

При подготовке «Собора» на партию Эсмеральды было назначено несколько исполнительниц. На премьеру танцевала Галина Мезенцева, завоевав это право в творческом соревновании. И подумалось, что жизнь, подобно лучнику, оттягивающему стрелу для дальнего полета, не сразу приведет Галию к главному. Можно, например, вспомнить, как ее не учились в хореографическое училище.

Уже прошло полмесяца занятий, и вдруг на медицинской комиссии что-то поинтересовалось, сколько Гале лет. И выяснилось, что рослая девочка была принята раньше времени. Галия уехала обратно в родной город. Но через год пришла телеграмма с вызовом.

Отличив закончив училище, Галина Мезенцева пришла в театр артисткой кордебалета. Должно было пройти несколько лет, прежде чем зритель увидел солистку Галину Мезенцеву.

— У нас в театре существует такой принцип работы с молодежью: артисты подают заявки в комитет комсомола о том, что они хотят выполнить ту или иную самостоятельную работу. Затем на Малой сцене идет смотр, на котором присутствуют все руководители театра, представители общественности и организации. И молодые артисты, хорошо справившиеся с условиями смотра, получают «зеленую улицу» в своей работе, то есть возможность исполнять сольные партии в спектаклях, концертах. Я тоже была участницей одного такого смотра.

Перед окончанием сезона Галия почти не участвовала в спектаклях. Ей предстояло выйти в партии Жизели в одноименном балете. Этот фантастический балет, принадлежащий к числу лучших произведений французского композитора Адольфа Шарля Адана, впервые был поставлен более ста лет назад.

...Ольга Николаевна Моисеева, народная артистка республики, репетитор Галия, показывает очередное движение и садится спиной к огромному, во всю стену, зеркалу, которое отражает Галию, в задумчиво-

Но через минуту снова слышится ее бодрый голос:

— Галия, почему ты не работаешь хотя бы вполсилы?

— Надоело мне это жеманство! Не могу, устала. Давай-те, я вам станцую современную Жизель...

— Это прекрасный балет!

— Прекрасный, но старый! — И через минуту, будто делая одолжение, обращается к партнеру Косте Заклинскому: — Давай, Костенька, сделаем пока академически...

Да, этот рабочий день был из тех, когда все сделанное кажется бессмысленным и все приносит разочарование. Ничто не усложняет так человеческую жизнь, как высокая цель. А если цель эта — донести свое искусство до сердца человека, приобщить его к своему душевному видению — пока далека, то творческая боль ощущается так физическая.

— ...У меня бывает плохое настроение, тогда я ничего не делаю, а если делаю, то все не так. Это ужасно! Но артист должен бороться артистом, уметь себя побороть. Ведь когда хорошее настроение, то танцуешь так, что у самой слезы льются в какой-нибудь драматической сцене...

— И зритель будет признателен...

— Контакта с залом я очень люблю добиваться, и когда чувствую, что принимаю хорошо, то даже легче становится танцевать.

У меня как-то получается, что многие премьеры бываю за границей. Например, в Венеции я должна была танцевать «Умиравшего лебедя» на музыку Сен-Санса. Приехала я туда после операции аппендицита и очень волновалась и не знала, как все получится, перенервничала, потому что мой номер стоял в конце программы: хуже нет — ждуть. И когда я станцевала, то вдруг... итальянцы стали мне близкими, которые как бы говорили со мной на одном языке. Они так аплодировали и так требовали, чтобы я бисеровала номер, что я, охрипевшая, с успехом выступила во время всей нашей поездки... А сейчас, видите, не ладится...

После репетиции Галия и Ольга Николаевна еще долго сидят в раздевалке и вспоминают разных исполнительниц партии Жизели. Спрашивается, но они не спеша идут привычным маршрутом в булочную, потом к трамваю, который отвезет их домой на Васильевский. На остановке Галия заглядывает в газетный киоск: «Техника — молодежи» есть? А «Химия и жизнь»? Уже разобрали? Жаль...

Такой интерес вызывает вопросы, и я слышу в ответ: — Просто... я любопытная... Несколькими днями ранее...